

К 100-летию великого кинооператора

Столетие со дня рождения...

Юбилейная расхожая фраза, к которой, как правило, прилагаются воспоминания современников, оставшихся в живых близких и дальних родственников, учеников и последователей, критиков и аналитиков, рисующих коллективный портрет юбиляра яркими праздничными мазками... Уходят полтона, свет и тень. СК Новости - 2000 - ноябрь с. 1, 10.

В биографии Анатолия Дмитриевича Головни, закованной в бронзу заслуженных успехов, до сих пор много пробелов. Сухая конструкция жизни заслуженного деятеля искусств и Героя Социалистического Труда исключила важнейшие эпизоды, из которых складывается характер незаурядной личности.

Работы кинооператора Анатолия Головни известны во всем мире: «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-Хана», «Шахматная горячка», «Адмирал Нахимов», «Кирпичики»...

Он долгие годы преподавал операторское искусство, был профессором во ВГИКе, написал множество книг, монографий, статей. Знал в совершенстве три языка. Занимался спортом, болел за «Динамо». Любил Ван-Гога...

Судьба была к нему благосклонна. Правительственные награды, звания,

Анатолий Головня с первой женой Любю Ивановой. Самарканд, 1927

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОВНЯ

ордена. Двухкомнатная квартира на площади Восстания. Одно время — автомобиль «Волга».

При жизни о нем был снят один документальный фильм и написана одна книга. И то, и другое — под общим названием «Кинооператор Анатолий Головня», с одинаково величавым содержанием...

Так что понять, что он представлял собой как личность, какие черты характера были ему присущи, с кем он дружил, кого любил, какие поступки совершал, практически невозможно.

Итак, вторая «профессорская» половина его жизни достаточно хорошо в свете известна, но мы начнем с начала.

Первой женщиной, которую он страстно любил, была Лидия Иоановна Петракис, в замужестве Головня. В двадцать два года она осталась вдовой с двумя мальчуганами. Анатолий слегка ревновал ее к своему младшему брату, называл ее «мutter» и на «Вы». С возрастом отношения странно изменились. После похорон матери он ни разу не был на ее могиле. Захоронением занимались чужие люди...

В 1923 году Анатолий Головня познакомился с восемнадцатилетней провинциальной девушкой, поступавшей на актерский факультет кинотехникума. Это была любовь с первого взгляда, сумасшедшая, самоотверженная. Через три месяца Люба Иванова, дочь извозчика из Челябинска, стала его женой. У них родилась дочь Оксана. Брак длился одиннадцать лет. Люба была очень хороша собой и ее приглашали сниматься в немых фильмах. На это Головня реагировал резко отрицательно. После съемок в фильме «Города и годы» у режиссера Евгения Червякова он сказал: «Жена не должна быть актрисой».

В 1934 году Люба ушла к Бабицкому — директору «Межрабпомфильма», позднее директору Мосфильма. Сниматься в кино она больше не хотела, пошла работать ассистентом режиссера к Григорию Александрову на фильм «Веселые ребята».

Оксана осталась с отцом и бабушкой Лидией Иоановной. Любовь отца и дочери была взаимной, глубокой и трагической. В ней как в зеркале отразилась вся жестокость и фальшь советской действительности.

В декабре 1937 года арестовали Бабицкого, а в марте 1938 года пришли за Любю, как за женой врага народа. Ей было неполных 33 года. Трех детей — Оксану (дочь Анатолия Головни и Любы), Волика (сына Бабицкого от первого брака) и годовалого Алешу (сына Любы и Бабицкого) — забрали в пересыльный пункт, размещавшийся в стенах Донского монастыря.

Только через год, весной 1939-го из АЛЖИРа (Акмолинского лагеря жен заключенных Родины) пришла телеграмма с сообщением адреса Любы.

Через несколько месяцев после ареста Бабицких, Анатолий Дмитриевич Головня и его гражданская жена Глафира забрали к себе всех троих детей из детприемника НКВД.

В течение пяти лет шла переписка... Головня присылал в лагерь письма, посылки — одежду, продукты, книги. Война все резко изменила. Но это другая страница жизни неизвестного Головни.

Несколько писем Анатолия Дмитриевича Головни Любю Васильевну Бабицкую в Акмолинское отделение КАРЛАГА НКВД (печатаются с небольшими сокращениями).

Москва 23.07.1939г.

«Здравствуй, дорогой Люк! Я был всегда уверен в твоей бодрости и жизнестойкости. Ты можешь быть совершенно спокойна... за судьбы детей, как Оксаниной, так и Алешки (чудный парень, мне он очень нравится). О дочке буду писать тебе часто и подробно. Все фото вышло, как только будут сделаны. Я только вчера вернулся из экспедиции по картине «Минин и Пожарский», осталось дней десять работы, съезжу на Волгу и к числу 10.08 все отниму, 16.09 картину сдаю, получается хорошо. Освобожусь, пойду по учреждениям хлопотать о тебе. Думаю, чего-нибудь добьюсь...

Мои успехи. Получил совершенно официальное звание профессора, ведаю кафедрой во ВГИКе. Снимаю, говорят, неплохо, «Минина и Пожарского», «Анну Каренину», «Суворова» Дукельский отметил. Играю в теннис, футбол, читаю стихи, пишу книжку, помещаю статьи, горькое пью вино, выгляжу опять же, как бычок — вообще, все нормально, возбуждаю в других зависть «неувядающей красотой» и жизнеупорством, как всегда, умею не иметь забот, за что, очевидно, жены меня и бросают. Ира говорит, что я «идеал», но жить со мной невозможно, неужели я должен ходить на бульвар, чтобы быть хорошим мужем? Очевидно, не буду. Девушки любят, и с меня хватит, лишь бы не долго и не переставляли в комнате мебель».

Москва 09.10.1939г.

«Дорогая Люка! Я, конечно, очень виноват, что тебе не писал, но я был в экспедиции. Сейчас картина окончена, принята очень хорошо дирекцией и комитетом, сейчас печатаю копии, в ближайшее время будут смотреть в Кремле, надеюсь на хороший прием, так как она, в связи с освобождением Западной Украины и Белоруссии и разгромом польских панов, приобрела большую политическую актуальность. После сдачи я буду свободен, и вот если ты хочешь, и это возможно, я могу к тебе приехать, даже если тебя куда-нибудь переведут. Ты Полине все точно и подробно расскажи. Запиши ты ей, что тебе нужно послать, а то она бестолковая. Сейчас посылаю мало вещей, но по мере возможности их приобретения, будем высылать посылками. Дочь чудесная, скоро с тобой будет ростом и хорошенькая, самое же главное, что умная и умеет себя вести. Она за этот год стала совершенно взрослой и самостоятельной, кормит меня завтраками собственного приготовления. Живем мы с ней дружно».

Москва 23. X. 1939г.

«Здравствуй, хороший мой Люк! Как видишь, пишу тебе в подвыходной день, ибо ты пишешь, что в этот день особенно вспоминаешь нас. Ни я, ни дочь ни на минуту тебя не забываем, очень и очень хотим тебя видеть.

Ответить на все вопросы твоего письма сразу трудно. Начну с главного, о дочери. Она очень любит тебя и вспоминает, и особенно остро первое вре-

мя. Может быть, я неправильно поступил, но я нарочно, чтобы она не очень тосковала, не напоминал о тебе. Теперь стало проще, но иногда вечером она тихо спрашивает: «Папка, а мама должна все-таки скоро вернуться?» Может, и плохо, а может, и лучше, что она не особенно высказывает свои чувства. Я когда-то мечтал, чтобы у дочери была твоя внешность, а мой характер. Кажется, эта мечта сбывается — ведь так ей легче будет жить.

Оксана сейчас стройная, высокая девочка, с начинающей развиваться фигурой. Намечается грудь, очертания бедер, стройные ноги. Она немного плавней, чем была ты. Ты была вся какая-то острая.

Оксана очень много читает, я ношу ей книги с «Мосфильма». Читает детскую литературу и классиков. Очень развита, много знает, но в ней нет серьезности, хотя ведет она себя часто, как взрослая. Очень любит кормить меня завтраком или обедом. Сама жарит котлеты. В ней нет усидчивости и трудолюбия. Но зато способная, учится вполне

прилично, а если на нее чуть поднажмешь, то и отлично. Нужно сказать, что она сама себе прекрасно отдает отчет в том, что можно, что нельзя делать, что нужно учиться, но легкомыслие есть. Ты думаешь, что я ее балую, давая деньги?.. Деньги давая, я всегда знаю, на что, и получаю полный отчет или сдачу.

Об «увлечениях» — ничего подобного, даже мальчишка никакого нет. То были детские глупости, а сейчас потомство чудесно понимает, что к чему. С дворовыми девушками не дружит, сама прекратила все знакомства. Ведь ты пойми, что она уже прекрасно отдает себе отчет, что она уже большая и нужно уметь себя вести. Где она бывает, и с кем из девочек — я знаю. И не похоже, чтобы были какие-нибудь «тайны». Ведь по мордочке было бы видно, и не было бы

А.В.Гальперин, А.Д.Головня, Б.И.Волчек

такого спокойствия и уверенности, которые есть в ней.

Насчет шить и штопать — ты права, но очевидно, тоже папашин характер. Так же как и я никогда не любил «лудить-паять», а любил более интеллектуальные занятия, так же и Оксана.

Если я сейчас получу за «Минина и Пожарского» достаточно денег (премию вместо авторских), то куплю ей пианино. Слух у нее, кстати, оказался значительно лучше моего.

Теперь о моем образе жизни, который тебе внушает беспокойство. Во-первых, я прекрасно учитываю присутствие дочери, во-вторых, я не хочу жениться, ну, характер такой. Если у меня и бывают знакомые очень, очень редко вечером, то дочь всех знакомых знает, и их приход для нее вполне естественен, приходят пить чай, пусть даже иногда вино, что для нее так же просто, что взрослые сидят дольше, чем она...

Ну, вот, пока все, родной, дальше буду информировать подробно.

Я закончил фильм «Минин и Пожарский», принял, свертотлично. Уже сегодня была статья в «Правде». Будем снимать «1812 год», но это не скоро. О себе напишу. Целую тебя нежно. Твой друг Толя. Не скучай, родной, будь бодрой, все твои с тобой».

Из дневников дочери Анатолия Дмитриевича Головни.

«Ни игр, ни занятий не помню, помню только, что какая-то женщина брнчала на разбитом пианино, а малыши скакали по кругу. Меня влекло окно, вообще, я всегда любила глядеть в окно. Но за этим окном дали не было. Была толстая, облупленная, отёчная монастырская стена. Я загрустила. На прогулки нас не вывели».

Однажды я дежурила по столовой. Она находилась как раз напротив «игральной», и вид из ее окна был совсем другой, он тоже имел стену, но с воротами, перед которыми была огромная площадь. Почему-то все кастрировали и чайники мы ставили на окно с широченными подоконниками. В очередной раз я притащила зеленое эмальрованное ведро с клюквенным киселем. И установив его на подоконник, стала разглядывать площадь... От меня к воротам уходил мужчина. Я смотрела, а он уходил.

Уходил от меня, от меня — к воротам, мой папа. Сегодня я объясняю, что я узнала его по лысине и кожаному монгольскому пальто. Но тогда я узнала его всего, просто узнала и все. Вскочив на окно, я просунула голову между прутьями решетки, форточка была открыта, и стала его звать, кричать. А папа уходил все дальше и дальше. И вдруг я поняла, что кричу без единого звука. Такого отчаяния, такой безнадежности не могу вспомнить за целую жизнь. И папа услышал. Как? Он и сам потом не мог объяснить. Он развернулся и точным операторским глазом нашел окно и мою орущую голову. Помахав рукой, он, не торопясь, именно не торопясь, направился прямо на меня, то есть к крыльцу домика, где мы находились. Я кинулась в кабинет начальни-ка, как будто именно там папа назначил мне свидание. Папа схватил меня в объятия как после обычной разлуки, только глаза его смеялись. Я сразу же выпалила, что и Волик здесь. «Тащи его сюда», — спокойно сказал папа, и я стремглав кинулась за Воликом. Я ни секунды не сомневалась, что мы втроем уйдем отсюда. Я верила папе абсолютно.

Некоторым детям было предложено сменить имена и фамилии. Объясняли это тем, что у нас в стране дети не отвечают за родителей, и пусть уж лучше никто не знает, что их родители — враги

народа. Предложение было сделано из лучших побуждений. Можно было и не принять его. Мы с Воликом не приняли. И вот мой папа нас нашел!

Когда я, Волик и папа пересекали площадь, там стояли «воронки», в которые уже загружали первую партию ребят для отправки в колонии. Кто-то из них пошутил: «Мы на авто, а вы пешком топайте!» но за воротами нас ждало такси, и я, уверенная в папином могуществе, думала, что в машине должен быть Алеша. «А где же Алешка?» — спросила я папу. Он грустно взглянул на меня: сведений ему не дали, так как Алеша не его родственник. «А я помню, куда его отвезли», — сказала я, а Волик подтвердил: «Она все время все запоминает».

Папа попросил показать место, куда отвезли Алешу. Я сказала, что помню, как проехать только от нашего подъезда. Так мы и сделали. Шофер ехал точно по моему указанию. И мы очутились на Поварской около особняка. Папа вошел в особняк и примерно через полчаса вышел с Алешкой на руках. Позже он рассказывал, что узнал его по ботиночкам, которые привез для него из-за границы».

Сейчас идет подготовка к съемкам фильма по сценарию правнучки Анатолия Дмитриевича — Екатерины Головня «Анатолий Головня и его женщины» — это фильм о Неизвестном Головня.

Кинорежиссер Евгения ГОЛОВНЯ